

В.В. Субочев

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализируется понятие «суверенитет» в контексте доминирующих политико-правовых реалий. Доказывается позиция, согласно которой государственный суверенитет в классической его трактовке к признакам государства относить не в полной мере обоснованно. Формулируется вывод о том, что государственный суверенитет – это не просто верховенство государственной власти на территории конкретной страны и ее независимость в международных отношениях, а прежде всего ответственность органов публичной власти данного государства перед населением и мировым сообществом.

Ключевые слова: государственный суверенитет, государство, власть, правительство, право, признак государства, независимость, территория, ООН, международное право.

V.V. Subochev

EVOLUTION OF STATE SOVEREIGNTY
IN THE GLOBALIZED WORLD: REALITIES AND PROSPECTS

The article analyzes state sovereignty through the prism of the dominant characteristic of the statehood in the context of the prevailing political and legal realities. The author argues that the state sovereignty in its classical or traditional interpretation is not the notion to be unconditionally applied to the state as its attributive feature. Author draws the conclusion that state sovereignty – is not just a supremacy of state power over the territory of a particular state and its independence in international relations, but above all, the responsibility of the public authorities of the state before the population and the international community.

Keywords: state sovereignty, state, authority, government, law, characteristic of state, independence, territory, United Nations Organization, international law.

Концепция государственного суверенитета в теории государства и права, как, впрочем, и во многих других гуманитарных науках, подразумевает его трактовку как неотъемлемого признака государства, без которого невозможно вести речь не только о его самостоятельности, но и о самом существовании данного публично-политического института.

Вместе с тем нам представляется чрезвычайно важным и особенно актуальным тот факт, что государственный суверенитет в современном мире эволюционировал, «дистанцировался» от своей первич-

ной, жан-боденовской трактовки, которая была весьма удачной и полноценной лишь в определенных исторических реалиях.

Так, в своем знаменитом произведении «Шесть книг о республике» (1576) Ж. Боден, по сути, впервые в истории политико-правовой мысли сформулировал понятие суверенитета и представил его в качестве атрибута государства. Согласно известной концепции суверенитет выступает в качестве абсолютной и постоянной власти государства над гражданами и подданными, причем данная власть является высшей и независимой властью как внут-

ри страны, так и в отношениях с другими государствами, выше которой только Бог и законы природы [3, с. 227].

Данная концепция государственного суверенитета доминирует и в современной политико-правовой доктрине. Не вызывает каких-либо возражений позиция, согласно которой суверенитет – это верховенство государственной власти внутри государственных границ и одновременно – независимость государства в международных отношениях.

Даже в условиях глобализации многие ученые признают суверенитет государства именно признаком государства, выражающим верховенство государственной власти по отношению ко всем иным организациям и лицам в стране и ее независимость в сфере взаимоотношений данного государства с другими государствами [7, с. 80].

В.В. Красинский, наряду с другими учеными, подчеркивает, что «анализ юридической доктрины и понятийно-категориального аппарата современной теории государственного суверенитета позволяет сделать вывод о том, что государственный суверенитет непосредственно выражает сущность государственной власти через ее суверенные свойства – верховенство и независимость» [2, с. 8]. С подобными позициями нельзя не согласиться.

Вместе с тем политико-правовые реалии современного мира заставляют позиционировать вопрос не столько о сущности суверенитета как важнейшей категории, используемой при анализе природы государства и государственности как таковых (здесь очевидных разногласий практически нет), сколько о том, как данная категория применима к характеристике каждого конкретного государства.

Нужно понимать, что если речь идет именно о *признаке* государства, то он должен в неизменном виде присутствовать во

всех и в каждом отдельно взятом государстве, иначе статус понятия (суверенитета – в нашем случае) как признака государства представится весьма сомнительным.

Однако именно в этом и заключается основная проблема. К сожалению, понятие «суверенитет» в «чистом виде» сегодня практически не применяется и не применимо в принципе для характеристики статуса реально существующего государства в целом или же отдельных его аспектов.

Следует обратить внимание и на тот факт, что Конвенция Монтевидео, подписанная в 1933 г. на VII Панамериканской конференции, являясь практически единственным из международных документов, перечисляющих признаки, определяющие правосубъектность государств, суверенитет к таковым не относит.

Так, согласно Конвенции Монтевидео, для того чтобы выступать субъектом международного права, государство должно обладать:

- постоянным населением;
- конкретной территорией;
- собственным правительством;
- способностью к вступлению в отношения с другими государствами.

Безусловно, анализируя данные признаки, можно в конечном итоге прийти к тому, что данное государство, следовательно, и будет обладать суверенитетом. Однако вряд ли содержание полученного из подобных теоретических рассуждений термина «суверенитет» будет одинаковым у различных ученых и применимо в качестве неизменного признака для всех государств.

В научной литературе широко распространены взгляды относительно юридического (формального) и фактического (реального) государственного суверенитета [2, с. 10; 5, с. 49]. Данное разделение провоцируется событиями, подобными

тем, которые имели место в Южной Осетии и Абхазии в 2008 г. и уже совсем недавно – на Украине. Каким суверенитетом обладает сегодня украинское государство (ведь оно продолжает оставаться государством) – юридическим, формальным или же реальным, фактическим?

Можем ли мы говорить о полном верховенстве органов государственной власти Украины на ее территории и независимости данной страны в международных отношениях? Очевидно, что нет. Другими словами, вряд ли мы можем вести речь о государственном суверенитете Украины, однако обязаны признать тот факт, что как государство она существует.

Получается, что, если государство существует фактически, оно должно обладать государственным суверенитетом просто лишь в силу того, что это признак любого государства? Или же надо признавать тот очевидный факт, что государственный суверенитет Украины существует, однако это не тот же самый государственный суверенитет, которым обладает Россия или, скажем, США? Такой же алгоритм рассуждений мы можем построить в отношении Сирии, Ирака, Ливии, Сомали и многих других государств.

И в том, и в другом случае напрашивается вывод, что государственный суверенитет государственному суверенитету рознь и вряд ли мы можем, создав некую единую теоретическую модель государственного суверенитета и снабдив ее четкими характеристиками, унифицированно применять ее ко всем государствам в качестве их сущностного признака.

Подытоживая данную часть работы, заключим, что термин «государственный суверенитет» не обладает неизменным содержанием в преломлении к каждому конкретному государству, по-разному понимается как учеными, политиками, так

и самим законодателем, что объективно предопределено складывающимися политическими реалиями и, в силу этого, лишь с большой долей условности может трактоваться в качестве признака государства как такового.

Считаем целесообразным обратить внимание и на второй аспект затронутой проблематики, который заключается в том, что классическое понятие суверенитета, предполагающее возможность носителя верховной власти самостоятельно определять и реализовывать свою волю, издавать веления, исходя из сугубо собственных интересов, когда другие суверенные субъекты не имеют прав влиять или иным образом вмешиваться в политико-правовые процессы этого государства [1, с. 142], также вряд ли применимо к государствам современного мира.

Политические реалии сегодня складываются таким образом, что в международном сообществе стали вполне оправданными гуманитарные интервенции (иногда называемые гуманитарными войнами), направленные на применение военной силы против иностранного государства в целом или каких-либо формирований на его территории для предотвращения гуманитарной катастрофы, геноцида местного населения и других масштабных катаклизмов.

Вне всякого сомнения, международное сообщество не может оставлять без внимания, в том числе и без военного вмешательства, масштабные попытки уничтожения какой-либо национальной, религиозной или иной культурно-этнической группы. Вместе с тем, исходя из контекста нашего анализа, гуманитарные интервенции – это серьезные военные операции, которые проводят невзирая на якобы признаваемое всеми верховенство государства на своей территории.

При этом цели, характер и способы проведения гуманитарных интервенций, зача-

стую откровенные методы их лоббирования [4; 6, с. 13–19] практически никогда не устраивали все заинтересованные стороны. Примером могут служить недавние действия НАТО в Боснии в 1995 г., бомбардировки Югославии в 1999 г., действия США и их союзников по защите курдов и шиитов в Ираке и т.д.

Еще более радикальным способом вмешательства во внутренние дела государств являются миротворческие операции, количество которых в последнее время значительно увеличилось. Так, согласно статистике, если за первые сорок лет существования ООН было проведено лишь 13 операций по поддержанию мира, то за последующие двадцать лет была развернута уже 51 миссия.

Для планирования, разработки и координации подобных операций в 1992 г. при ООН был создан специальный Департамент операций по поддержанию мира.

Большое количество суверенных государств стали ареной для проведения миротворческих операций, *невзирая на их согласие*. Данный факт провоцирует закономерный вопрос: обладает ли государство, на территории которого проводится международная гуманитарная интервенция без его согласия или операция по «принуждению к миру», суверенитетом? Очевидно, что нет. Тем не менее как государство оно существовать (по крайней мере, пока еще) не перестает.

Подобная, зачастую действительно обоснованная и необходимая практика прямого нарушения суверенитета других государств видоизменила и саму концепцию государственного суверенитета.

Так, в 2000 г. под эгидой ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая предложила, по сути, новую концепцию государственного суве-

ренитета – «Обязанность защищать» (The Responsibility to Protect, R2P).

В 2005 г. данная концепция при поддержке ООН стала новой нормой международного права, суть которой заключается в том, что суверенитет – это *не право* и не привилегия государства, но его *обязанность* – защищать жизнь и здоровье людей, проживающих на определенной территории (прежде всего речь идет о предотвращении геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток). Если же у государства нет возможности или *политической воли* защитить людей – то ответственность за их судьбу переходит к международному сообществу.

Указанная концепция, признанная в сентябре 2005 г. в ходе Всемирного саммита Организации объединенных наций всеми государствами-членами, также обязывает международное сообщество вмешиваться во внутреннюю политику других государств и для предотвращения гуманитарных катастроф, так как *государства ответственны* за осуществление своей политики как перед своими гражданами, так и *перед международным сообществом через ООН*.

Вместе с тем вопрос о том, какие же ситуации являются основанием для правомерного вмешательства во внутренние дела государств, остается весьма дискуссионным и открытым. Так, до 2008 г. стихийные бедствия не считались основанием для действия принципа «Обязанность защищать» и, следовательно, иностранного вмешательства. Однако циклон Нургис, пронесшийся по Мьянме в 2008 г. и вызвавший колоссальные жертвы и разрушения, изменил ситуацию. Правящая в Мьянме военная коалиция от гуманитарной помощи изначально отказывалась, однако под давлением мирового сообщества и прямой

угрозы масштабной военной операции пошла на уступки и помощь тем не менее приняла.

Известно, что именно концепция гуманитарной помощи в рамках принципа «Обязанность защищать» стала основанием для спецопераций в Ливии в 2011 г.

Не ставя в контексте данного исследования задачу дать политико-правовую оценку различного рода гуманитарным интервенциям и военным миротворческим операциям, подчеркнем, что вряд ли сегодня возможно говорить о таком *признаке* государств, как верховенство власти на своей территории и независимости в международных отношениях.

Представители многих государств – членов Евросоюза высказывают озабочен-

ность утратой суверенитета участников согласованной европейской политики. Именно суверенитета, а не отдельных прав и национальных интересов, как это заявлялось ранее. А концепция о так называемом делегированном суверенитете не отменяет достаточно радикальных настроений, связанных с невозможностью проводить национальную политику без согласования с Брюсселем.

Сказанное позволяет нам прийти к *выводу*, что сегодня вряд ли стоит безапелляционно относить государственный суверенитет к признакам государства. Скорее это одна из характеристик государства, которая в той или иной мере присуща определенной стране, но никак не признак самой государственности.

Литература

1. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография. М.: Инфра-М, 2012. 128 с.
2. Красинский В.В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. 2015. № 7. С. 5–10.
3. Лейст Э.О. История политических и правовых учений. М.: Зерцало, 2000. 688 с.
4. Малько А.В., Исаков Н.В., Субочев В.В. Правовая политика в урегулировании лоббизма. Саратов, 2003. 156 с.
5. Морозова А.С., Карасев А.Т. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета // История государства и права. 2014. № 20. С. 45–50.
6. Субочев В.В. Законные интересы как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования // Право и политика. 2007. № 2. С. 13–19.
7. Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: сб. ст. и материалов. М., 2007. 190 с.

Literatura

1. Bredikhin A.L. Suverenitet kak politiko-pravovoy fenomen: monografiya. M.: Infra-M, 2012. 128 s.
2. Krasinskiy V.V. Gosudarstvennyy suverenitet: gnoseologicheskiy aspekt problem // Sovremennoe pravo. 2015. № 7. S. 5–10.
3. Leyst E.O. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. M.: Zertsalo, 2000. 688 s.
4. Mal'ko A.V., Isakov N.V., Subochev V.V. Pravovaya politika v uregulirovanii lobbizma. Saratov, 2003. 156 s.
5. Morozova A.S., Karasev A.T. Nekotorye podkhody k ponimaniyu gosudarstvennogo suvereniteta // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 20. S. 45–50.
6. Subochev V.V. Zakonnye interesy kak неотъемлемый элемент механизма правового регулирования // Pravo i politika. 2007. № 2. S. 13–19.
7. Tikhomirov Yu.A. Suverenitet v usloviyakh globalizatsii // Suverennaya demokratiya v konstitutsionno-pravovom izmerenii: sb. st. i materialov. M., 2007. 190 s.